

Не место красит человека.

Чтобы вырастить дерево, мало просто посадить саженец. Без пригляда даже из хорошего ростка ничего не получится. И, наоборот, при хорошем уходе и на каменистой почве возрастут богатые плоды.

Сегодня областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник является одной из главных достопримечательностей Усть-Каменогорска.

Шикарные экспозиции, международные выставки, чудесные парки. Но все это богатство свалилось на восточно-казахстанцев не по мановению волшебной палочки. Уже не все помнят, а подросшая молодежь и вовсе не знает, с чего все начиналось. Рассказывая о становлении областного этнографического музея, невозможно умолчать о его бессменном директоре Николае Зайцеве, настолько переплелись их судьбы.

Выпускник экспериментального класса с Урала Николай Зайцев мечтал о профессии врача. Осуществиться этому помешали чисто житейские обстоятельства. Маме было необходимо сменить климат. В семье было принято, что заботу о родителях берут на себя младшие дети.

Новым местом жительства стал Лениногорск. Юноша отправился в горком комсомола, чтобы встать на учет. Было это в конце 60-х годов прошлого века. В самый разгар патриотических призывов к комсомолу. Николаю предложили: «Идет кампания поддержки села. В Бутаково необходимо организовать библиотеку, поедете?» И пообещали решить квартирный вопрос. Он согласился.

После полуторки-хрущевки, которую они с мамой делили с семьей старшей сестры, двухкомнатная квартира в бараке показалась просто хоромами. Каждая комната под 40 квадратов, высоченные потолки. «Настоящий «баракко!» – радовались Зайцевы.

Деятельному юноше добавили нагрузку в клубе. Не прошло и месяца, как предложили по совместительству преподавать в школе математику. В то время полное среднее образование ценилось не меньше техникума. Сам недавний школяр, он пришел, посидел на уроке, посмотрел, как резвятся некоторые ученички. Тогда двоечников нередко оставляли на второй год, и среди них еще те лбы были! Зайцев задумался: готов ли он поделиться знаниями с учениками, которые по возрасту недалеко от него отстали? Шел парню тогда восемнадцатый год, да и математика не входила в число любимых предметов.

С самого начала молодой учитель установил себе планку: «Учебник – это домашняя книга ученика. Учитель на уроке должен давать больше». Особенно яркими уроки стали, когда он начал вести историю и физику, которые обожал со школы. Но первым делом взялся за дисциплину. Для человека, не имеющего на тот момент, педагогического образования, выбрал удивительно верную тактику: «Если ученик вертится на уроке, то виноват учитель». Конечно, повыгонять шалопаев из класса все же пришлось. Потом, бывало, муха пролетит – всем слышно, такая стояла тишина на уроках. Николай Алексеевич, по батюшке его стали величать с семнадцати лет, никогда не жаловался на своих учеников родителям. Напротив, находил возможность похвалить. Вскоре его зауважали не только дети.

В поисках, в творческих сомнениях, в работе незаметно пролетел почти год. Ждали проверку из Лениногорского гороно. Когда сообщили, что во главе едет Екатерина Драпп, учителя стали запасаться валидолом и валерьянкой. Инспектор, участница Великой Отечественной войны, слыла личностью настолько легендарной, настолько и строгой. Николай, наверное, единственный воспринял известие спокойно. «Выгонят из школы, библиотека останется», – философски рассудил он.

Инспекторы посетили все уроки Зайцева. На последний пожаловала сама Драпп. «Ну, все, уволят, как пить дать!» – решили бутаковские учителя. Каким же было удивление, когда Николая Зайцева поставили в пример!

Сам же он считал, что добился этого не без помощи директора школы Татьяны Серовой, завуча Александры Федоровой и других учителей. Разговор с грозной Екатериной Драпп, который состоялся сразу после проверки, навсегда врезался в память. «Куда собираетесь поступать?» – спросила она. Услышав ответ, была категорична: «Никаких институтов культуры! Только в педагогический!»

Бутаковский период жизни Н. Зайцева явился предтечей на пути к подлинному его призванию. Музей стал логическим завершением педагогической деятельности Николая Алексеевича, просветительско-организаторскому таланту которого стало тесно в рамках сельской школы. Но какая жизнь кипела в ней! Позавидовать могут и нынешние ученики.

Каникулы, походы, школьные утренники и вечера, проходили весело, оригинально. Учитель физики и истории, он же главный сценарист и вдохновитель, активно участвовал во всех мероприятиях. Стал буквально штатным Дедом Морозом. Перед Новым годом обычно просил в совхозе лошадь, запряженную в кошевку. Николай - Дед Мороз, а ученица Тоня Полторанина – Снегурочка, забрав почту и поздравительные открытки учителей, развозили их по домам. Надо было видеть радость односельчан, особенно пожилых, когда к ним приезжала такая почта. Без поздравлений никто не оставался.

В будни энергию школьников также старались направить в полезное русло. Действовали команды тимуровцев, поделив село на зоны пионерского действия. В каждой – свой штаб. Придерживались неписанных правил: сначала домашние уроки и помощь по дому, потом все остальное. Взрослые, видя, что ребята «при деле», отдали под штабы, кто сарай, кто пустую избу.

Тимуровцы должны были оказывать помощь инкогнито. Из-за этого порой происходили курьезы. Одной пожилой семейной паре решили помочь распилить дрова. Чтобы хозяева не услышали, лесины сначала выносили подальше, а там уже пилили. Целая цепочка выстроилась от избы стариков до реки. Туда лесины, обратно дрова. В это время в клубе закончился вечерний сеанс. Взрослые, приняв в сумерках ребят за воришек, подняли крик: «Бабу Нюту грабят!» Вот было смеху потом!

21 апреля, в канун дня рождения Ленина, лучшие комсомольцы заготавливали для гирлянды ветви кедра, который рос в нескольких километрах от села. Вечером,

прихватив сухой паек, ребята делали марш-бросок в Лениногорск (20 километров). В город приходили к полуночи. Остановивались чаще у родных своего учителя и принимались за гирлянду. Потом, ночью, шли к памятнику Ильичу и торжественно возлагали ее к памятнику. Первыми.

Накануне 1 мая – Международного Дня солидарности трудящихся, проводились настоящие маевки. За неделю до этого в штабе изготавливали 25 «спецпакетов» – по пять для каждой из пяти пионерских зон. Затем прятали так, чтобы нашли сначала первый. В нем указывалось, где спрятан второй и т.д. Контрольный пакет необходимо было забрать в штабе в 4 утра. Маевка проходила на близлежащей горе Козлушке. Чтобы попасть туда, требовалось незаметно проникнуть через «полицейский» кордон. Кто приходил первый, разводил костер. Безопасность подпольщиков, как и положено, охраняли «посты». После маевки все вместе с революционными песнями спускались с Козлушки в село. А потом целую неделю выковыривали из ладоней шипы шиповника.

А какие «Зарницы» проходили в Бутаково! Вооружение и боеприпасы участники военно-полевой игры запасали заранее. Из старых газет и золы готовили взрывпакеты. Бумажный чехол протрачивали на швейной машинке или шили вручную. Вовнутрь засыпали «взрывчатку». Печную золу предварительно тщательно просеивали. Стреляли из обыкновенных рогаток, правда, внушительной величины. Когда снаряды рвались, поднималась, как в настоящем бою, жуткая пылица. Слава о зайцевских зарницах дошла до города. Поучаствовать приезжали комсомольские активисты.

– В отличие от других учителей, я не был так загружен домашними делами и хозяйством и мог больше заниматься с ребятами, – скромно объяснял Николай Алексеевич свои достижения во внеклассной работе.

Больше никто из «несемейных» жить по такому графику не вызывался. В школе – с полвосьмого утра до половины второго дня. Потом обед, заботы по дому. С 14.00 до 20.00 – мероприятия. Затем общение с молодежью, среди которой у Николая было немало сторонников. С 10.00 и до двух ночи – подготовка к урокам. В восьмилетней школе всех классов было по-одному. Преподавал в шести, значит, и планов готовил шесть. На сон оставалось четыре часа. В 6 утра – подъем, зарядка и все по-новой.

Родители не возражали против бурной внешкольной деятельности своих отпрысков. Многие, наоборот, не могли нарадоваться переменам в ранее непослушном ребенке. И в

учебе подтянулся, и по хозяйству помогает. Конечно, спрашивали, зачем и куда. Услышав, что с Николаем Алексеевичем, отпускали без разговоров. Молодой учитель пользовался в Бутаково непререкаемым авторитетом.

Но игры играми, а режим никто не отменял. Однако кому из подростков не хочется попасть в кино на вечерний сеанс, тем более с оговоркой «кроме детей до 16 лет»? И проникали в клуб всякими неправдами. Носил тогда Николай Алексеевич заметный издали светлый плащ. Стоило учителю появиться в зале, как среди сорванцов начиналась паника: «Белый плащ пришел!» Они торопились незаметно покинуть клуб. Везло не всем. Наутро в школе нарушителей режима первыми вызывали к доске. Эта воспитательная мера действовала безотказно.

Нельзя не упомянуть о кабинете физики. Благодаря Николаю Алексеевичу и его добровольным помощникам, он превратился по тем временам просто в супер-кабинет. Посмотреть приезжали из города и области. Кабинет и шкафы с оборудованием никогда не запирали на замок. Все и так было в целости и сохранности.

Воспитание детей интересными делами самое эффективное. Но и такое же не простое. Немало проявил молодой педагог смекалки, изобретательности и тонкого расчета, чтобы не поддерживать эту заинтересованность в детских душах. Поэтому идея организовать музей явилась с одной стороны вполне естественной. В школе особо не возражали. На тот момент в стране набирала обороты музеемания, которая поощрялась сверху.

В мае 1968 в школе состоялось комсомольское собрание по этому поводу. «Решили, – вспоминает Николай Алексеевич, – открыть музей редкостей». После собрания все разбежались за первыми «раритетами». Инициатор меж тем остался в трепетном ожидании. Мысли приходили разные, в том числе вспоминались слова скептиков. Но первые же находки ребят превзошли все ожидания.

Места в школе лишнего не было. Под храм истории передали часть коридора, отгородив от будничной суеты плюшевой шторой. В школьном музее работали школьники. Директора, заведующих отделов и хранителей фондов отбирали по конкурсу. В стенгазете помещали объявления о вакансиях, а затем горячо обсуждали претендентов. Конечно, все это происходило под опекой взрослых. Понятно, что кураторство поручили автору идеи.

Отмечу, что Николаю Алексеевичу никогда не было свойственно чувство «звездности». Не боясь за свой авторитет, он отправился за советом и наукой в историко-краеведческий музей Лениногорска. В лице его основателей В.Клинка и Ю.Хабарова нашел полное взаимопонимание и поддержку. Может, сомнения и были, но погасить юношеский задор не захотели.

Деликатность своих учителей он оценит чуть позже, когда они приедут с первой «инспекцией». Увидев, сколько богатств скрывалось за обыкновенной занавеской, наставники изумились: «Вы идете по верному пути!». Новое дело поглотило учеников, что называется, с потрохами. Еще больше отняло времени у их куратора. Все надо было рассортировать по отделам, определить возраст, проинвентаризировать. С особой теплотой Н.Зайцев вспоминает школьную техничку, Матрену Леоновну. Назначение многих предметов, тем более местное их название, не могли порой подсказать и книги по музееведению, которые он дотошно штудировал. А пожилая женщина, хоть и вздыхала порой «ой, беда нам с твоим музеем, Лексеич», охотно делилась своим знаниями. Благодаря этому немало экспонатов было верно идентифицировано.

Сколько было радости, когда открылась первая экспозиция. О музейных делах стала рассказывать стенгазета «Окно, открытое в мир». Она выходила с приложением «Юный этнограф». В дальнейшем фонды стали пополняться также за счет поездок в другие деревни.

О, какие это были времена! Юных собирателей старины ждала буквально непаханая целина. Сбор экспонатов осуществлялся по четкому плану. Вначале с горки делали снимок села или деревни. Перед подворным обходом распределяли, кто по какой улице пойдет. Ребята так поднаторели, что безошибочно угадывали, что представляет ценность для истории. С трудом верится, но однажды в дверце неказистой сараюшки, они рассмотрели большую храмовую икону! То, что сейчас кажется дикостью, вполне отвечало духу повального атеизма, царившего в те времена.

О музее заговорили. А через три года присвоили статус «народный». Еще через год объявляют отделом Лениногорского филиала, и в нем появляется первый штатный научный сотрудник, бывшая ученица Т.Полторанина. В 1976 – это уже Бутаковский этнографический музей под открытым небом, в фондах которого насчитывалось около трех тысяч экспонатов. Тогда же ребята побывали с передвижной выставкой в Алматы, состоялось первое выступление по местному телевидению Н.Зайцева. Бутаковский

музей для многих впервые «открыли» молодой телережиссер Вера Лазарева и журналист А.Рябков. К этому времени экспозицию посетили около 60 тысяч человек.

Восторженные отзывы поступали не только от простых посетителей. Уникальной назвали экспозицию ученые Всесоюзного института им. Миклухо-Маклая. «Такой коллекции нет ни в одном музее СССР», – оставил запись в книге отзывов известнейший археолог, доктор исторических наук С. Черников.

В стране прокатилась очередная волна. Теперь музеи стали повсеместно закрываться. А в Бутаковском жизнь продолжалась, и какая! Главным образом, благодаря его первому директору Николаю Зайцеву. Возглавив музей, педагог распрощался со школой. Музейное дело настолько увлекло, что не смутила новая зарплата, почти в три раза меньше учительского заработка. Над Николаем Алексеевичем меркантильные расчеты вообще никогда не властвовали. Что удивительно, и команда у него всегда подбирается такая же – бессеребренники.

Но он объясняет достижения совсем по-другому. «Мне повезло на руководителей. Нам поверили». Действительно, деятельность школьного музея получила поддержку руководства областного управления, которое тогда возглавлял Урал Малдыбаев. «Восхищен тем, что сделали ребята школы. Их пример заслуживает всяческого одобрения и распространения», – так отозвался об увиденном первый секретарь обкома партии Александр Протазанов.

И все же было бы неверным представить, что к своему 40-летию музей и его бессменный руководитель шли широкой просторной дорогой. Без сучка да без задоринки не обходилось. Достаточно сказать, что Николай Зайцев был беспартийным. Почему активный комсомолец не вступил в партию, сейчас уже ни к чему выяснять. Но для того времени это имело ба-альшее значение. Тем не менее, у многих начальников-коммунистов хватило понимания и душевной щедрости, чтобы не вставлять по большому счету палки в колеса беспартийному директору музея. Хотя порой и интересовались, побывав, например, на великолепной выставке икон, атеист он, все-таки, или нет?

В 1977 году Бутаковский музей становится областным, а 23 мая 1978 года выходит приказ об открытии областного музея этнографии в Усть-Каменогорске. Но это уже следующая история.

Н. Михеева. Рудный Алтай, 2008, 1 апреля